

Tadeusz Kruczkowski

Grodzieński Uniwersytet Państwowy im. Janki Kupaly

Основные идеи русской исторической полонистики и творческое наследие П.Н. Жуковича*

Резюме: В статье фундаментальные (основополагающие) идеи российской исторической полонистики представлены в творческом наследии П.Н. Жуковича, как консервативного историка славянофильской ориентации. П.Н. Жукович занимался историей Польши, ВКЛ, земель современной Украины в XVI–XVIII веках, и, особое внимание уделял Реформации в Польше, а в ней проблеме сотрудничества православных и протестантов, а так же распространения церковной унии.

Zarys treści: Artykuł przedstawia podstawowe (fundamentalne) idee rosyjskiej polonistyki historycznej w twórczym dziedzictwie Platona N. Żukowicza jako konserwatywnego historyka orientacji słowiańskiej. Żukowicz badał historię Polski, Wielkiego Księstwa Litewskiego, terenów Ukrainy w XVI–XVIII w., a szczególną uwagę poświęcił reformacji w Polsce, w tym problematyce współpracy prawosławnych i protestantów, a także szerzeniu się unii kościelnej.

Outline of content: The article presents the fundamental ideas of Russian historical Polish studies in the creative heritage of Platon N. Zhukovich, a conservative historian of Slavophilic orientation. Zhukovich studied the history of Poland, the Grand Duchy of Lithuania, and the territory of Ukraine from the sixteenth to the eighteenth century, and he paid particular attention to the Reformation in Poland, including the issues of cooperation between Orthodox and Protestant followers, as well as the spread of the Church Union.

Ключевые слова: П.Н. Жукович, западноруссизм, Польша, Литва, русские православные земли Литвы, Речь Посполитая, российская историческая полонистика, фундаментальные идеи российской исторической полонистики

* Niniejszy tekst stanowi rozwinięcie moich badań przedstawionych w artykule *Фундаментальные идеи российской исторической полонистики и их преломление в творчестве П.Н. Жуковича*, napisanym wspólnie z Ekateriną Irchą i opublikowanym w „Zeszytach Naukowych Ostrołęckiego Towarzystwa Naukowego” w 2021 r. Niniejszy artykuł zawiera oceny porównawcze zagadnień ukazanych przez współczesnych historyków i Platona N. Żukowicza. To pozwala przedstawić jego miejsce w rosyjskiej polonistyce historycznej okresu cesarstwa.

Słowa kluczowe: P.N. Żukowicz, zachodniorusycyzm, Polska, Litwa, prawosławne ziemie litewskie, Rzeczpospolita Obojga Narodów, rosyjska polonistyka historyczna, podstawowe idee rosyjskiej polonistyki historycznej

Keywords: P.N. Zhukovich, West Russianism, Poland, Lithuania, the Russian Orthodox lands of Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth, Russian historical Polonistics, fundamental ideas of Russian historical Polonistics

Вступление. Польский вопрос играл весомую роль в политической и общественной жизни России, как в контексте внутренней политики империи, так и в системе международных отношений XIX – начала XX века. Временами он приобретал особую остроту «рокового вопроса» российской государственности. Развитие российской полонистики на протяжении XIX – начала XX века, показывает тесную взаимосвязь восприятия польского вопроса (широко понимаемого как историософская, культурологическая и политологическая составляющая) и истории Польши русским обществом и отражением этого процесса в полонистических трудах¹. Исходя из этого одной из основных тем в российской исторической науке XIX – начале XX в. была тематика исследований, связанная с историей Польши. Для такого интереса к польской истории существовал ряд причин.

Историческая роль и значение Польши в истории России определялись в российской историографии как важнейший политический, военный, а также и цивилизационный соперник на протяжении длительного времени соседского сосуществования и одновременно как центр передачи западного влияния. В наличии два основных концептуальных подхода: либеральный, западнической ориентации и консервативный, преимущественно славяно-фильской направленности².

Следует отметить, что не меньшее значение, чем польский вопрос имел для России комплекс устоявшихся в обществе и историографии стереотипов по поводу истории Польши и российско-польских отношений. В либеральных историософских концепциях российской историографии XIX – начала XX века (В.О. Ключевский, Н.И. Кареев) особое место поляков в истории России объяснялось преимущественно рациональными факторами: политико-геостратегическими, историческими причинами. В консервативной историософии (к этой точке зрения приближался западник С.М. Соловьев) – причинами

¹ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях российской историографии XIX – начала XX века*. Минск, 2017. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования. С. 218.

² Там же, с. 9.

провиденциально-религиозного характера. В консервативной историографии славянофильского толка оно приобрело даже мистическую окраску. Так И.П. Филевич утверждал, что давняя вражда между Польшей и Россией отразилась в психике русского народа: «и не было делом случая, что русские люди представляли дьявола в виде ляха»³. Это эмоциональное положение историка славянофильской ориентации близко в своем сущностном выражении рациональному тезису западника В.О. Ключевского: «Поляки занимали особое место в русской истории, и не зря они и татары оставались в сознании русских извечными врагами их государственности»⁴.

Особое место Польши в истории России, а также влияние польского вопроса на общественно-политическую ситуацию России исследуемого периода неоднократно подчеркивается в современной российской, белорусской, украинской и польской общественной и исторической мысли. Комплекс российско-польских проблем, как показывает современная действительность, не утратил ни политической, ни научной актуальности в России и в Польше начала XXI века.

Осуществлявшаяся на протяжении нескольких веков последовательная политика «собираания русских земель» под скипетром Москвы была прямым противостоянием Польше-Литве-Речи Посполитой и должна была получить достаточно убедительное историческое обоснование. Существовал политический «заказ» со стороны правительства Российской империи, нуждающегося в историко-идеологическом обосновании российской политики в отношении Польши-ВКЛ-Речи Посполитой. Эта задача не могла быть решена без глубокой интеллектуальной и идеологической проработки исторического материала и создания согласованного с основополагающими принципами исторического жанра российской версии истории Польши и ее отношений с русским православным миром. Результатом этого стало создание политизированной, идеологически выверенной в своих основных проявлениях российской консервативно-националистической традиции восприятия истории Польши⁵.

Это подтверждается официальной линией царского правительства в отношении Польши, неоднократно представленной в научной литературе предмета. Также и тем обстоятельством, что в значительной своей части ряд консервативных историков (которые поддерживали и обосновывали официальную позицию) занимали высокие официальные должности. Так, генералами закончили службу А.К. Пузыревский, П.А. Гейсман, Н.Н. Сухотин и др.; высокие гражданские должности занимали, или заняли впоследствии – Н.М. Карамзин, Н.Г. Устрялов, М.П. Погодин, Д. И. Иловайский, Н.К. Шильдер, а также и либералы-западники – С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и др. Е.Ф. Карский,

³ И.П. Филевич, *Польша и польский вопрос*. М.: Университетская типография, 1894. С. 2.

⁴ В.О. Ключевский, *Сочинения: в 9 т. Курс русской истории*. М.: Мысль, 1989. Т. 5. С. 36.

⁵ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях...* с. 218.

А.С. Будилович стали ректорами Варшавского и Дерптского университетов. В то время как у историков-полонофилов наблюдались проблемы с научной и служебной карьерой (Н.И. Кареев, А.Л. Погодин)⁶.

Автор для передачи специфики оценочных подходов российской науки рассматриваемого периода, использует названия государственной принадлежности территорий, употребляемые в российской историографии имперского периода. Польша и ВКЛ после Кревской унии, Речь Посполитая после Люблинской унии определялись в ней как польско-литовская государственность или чаще всего как «Польша». Территории современных Беларуси и Украины понимались в ней как «западнорусские земли», или «Западный край», территория современной Беларуси называлась и «Северо-Западным краем». Для общей характеристики российско-польского противоборства используется современное понятие «цивилизации» и цивилизационной борьбы. Это делается для более точного отображения характера российско-польского противостояния.

Основная часть. По своим взглядам историческую науку России имперского периода традиционно разделяют на два идеологических направления. Основным критерием для такого разделения считают оценки исследователей того периода характера цивилизационного развития России. Первое направление получило название «славянофильского», которое впоследствии вылилось в консервативное направление. Второе – «западническое», которое преобразовалось в либеральное направление. Традиционно считается, что в русской исторической науке первой половины XIX века преобладало консервативно-славянофильское течение, а во второй половине XIX – начале XX века – либерально-западническая идеология⁷.

Подобное разделение внешне не минуло и российскую историческую полониистику. В процессе своего развития в рамках каждого направления сложился ряд идей характерных для всех представителей этих направлений. Впоследствии исследователи, изучавшие историческое наследие представителей каждого направления, в своих исследованиях обращали внимание на такие идеи и предпринимали попытки их систематизировать.

Исходя из этого следует отметить, что в российской исторической полониистике второй половины XIX – начала XX века, в отличие от российской историографии в целом, консервативное направление сохранило доминирующие позиции⁸. Переломным моментом являлись 1880-е годы, когда появля-

⁶ Там же, с. 219.

⁷ В.А. Дьяков, А.С. Мыльников, *Об основных этапах развития славяноведения в дореволюционной России* [в:] *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь*. М.: Наука, 1979. С. 11–46; Л.П. Лаптева, *История славяноведения в России в XIX веке*. М.: Индрик, 2005. 848 с.; Л.П. Лаптева, *Основные этапы развития славяноведения в России (XIX – начало XX века)* [в:] *Вопросы истории*. 2007. № 8. С. 156–162 и др.

⁸ Т.Т. Кручковский, *История Польши...* с. 219.

ется и усиливается полонистика либерально-западной направленности. Но, как показывает ее историографический анализ, она не стала доминирующей в российской исторической полонистике⁹.

В основных концепциях российской науки независимо от ее направлений история Польши получила тождественно близкие оценочные характеристики. Славянофильская историософия и преломление консервативной теории «официальной народности» в творчестве Н.Г. Устрялова и М.П. Погодина, а затем «западнорусизм» М.О. Кояловича и его ученика П.Н. Жуковича (как региональный славянофильский вариант) и охранительный консерватизм Д.И. Иловайского выступают в области исторической полонистики как явления одного порядка¹⁰. Положение современной российской науки об отказе либеральной историографии с 80-х годов XIX века от своих фундаментальных основ не подтверждается историографическим материалом. Либеральная полонистика XIX – начала XX веков в основных оценочных позициях рассматривала ключевые моменты истории Польши и российско-польских отношений, следуя традициям консервативного и славянофильского направления¹¹.

Указанные общественно-политические условия и теоретико-методологическое состояние российской исторической науки привели к ситуации, что изучение истории польского народа, стало делом преимущественно тех, кто стоял на позициях славянофильства в широком понимании этой дефиниции. Это обусловило идеологическую окраску научных работ. История славян и, прежде всего, польская рассматривались с великодержавных позиций, принадлежность к славянству сочеталась с принадлежностью к православию¹².

Все это привело к формированию негативных стереотипов восприятия польской тематики, которые утвердились в культурно-историческом сознании русских, нашли отражение в деятельности не только историков, но и интеллектуалов, представляющих различные отрасли гуманитарного знания, а также творческой интеллигенции XIX–XX веков¹³. Утверждается, что подобной была ситуация и у польской стороны. По мнению Д.В. Карнаухова, это были «полоноцентристские» подходы как к освещению русской истории в целом, так и к интерпретации ключевых событий политической и культурной истории Руси и ее отношений с соседними народами¹⁴.

В современной науке общие оценочные подходы российской исторической науки исследуемого периода к исторической полонистике рассматриваются как ее фундаментальные (основополагающие) идеи. Эти общие

⁹ Там же, с. 220.

¹⁰ Там же, с. 9.

¹¹ Там же, с. 10.

¹² Там же, с. 220.

¹³ Там же, с. 20.

¹⁴ Д.В. Карнаухов, *Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения*. М.: НГПУ, 2010. С. 3.

оценочные подходы российской науки к исторической полонистике выразились в ее основополагающих идеях, консервативного и славянофильского характера, чаще всего антизападного толка¹⁵.

Первые исследования по изучению исторического наследия историков XIX – начала XX века были предприняты еще исследователями изучаемого периода, например, М.О. Кояловичем¹⁶ и П.Н. Милюковым¹⁷, которые принадлежали к различным течениям российской историографии имперского периода. В советское время это изучение было продолжено¹⁸, но в связи с существующими политико-идеологическими обстоятельствами они в основном ограничивались рассмотрением тематики исторической полонистики или ее периодизации¹⁹.

Кроме русскоязычной историографии данной тематикой занимались польские исследователи. Так, например, М. Серейский в рамках своего историографического исследования о причинах падения Речи Посполитой поставил вопрос об особых чертах русской исторической полонистики, выделив ряд ее основополагающих принципов²⁰. На данный момент многие положения М. Серейского были приняты современной русскоязычной историографией.

Активное изучение русской исторической полонистики продолжилось в 1990-е годы. В современной науке общие оценочные подходы российской исторической науки исследуемого периода к исторической полонистике рассматриваются как ее фундаментальные (основополагающие) идеи. Само понятие «фундаментальных» идей в русскоязычной полонистике было выдвинуто российским исследователем В.А. Якубским в одноименной статье в 2000 г.²¹. Историограф определил общие оценочные подходы российской исторической науки к исторической полонистике как ее фундаментальные идеи²². «Воззрения русских ученых XIX века на польскую историю абсолютно не

¹⁵ Т.Т. Кручковский, *История Польши...* с. 219.

¹⁶ М.О. Коялович, *История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям*. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1884. 654 с.

¹⁷ П.Н. Милюков, *Главные течения русской исторической мысли*. 3-е изд. СПб., 1913. 342 с.

¹⁸ *Историография нового времени стран Европы и Америки*, отв. ред. И.С. Галкин. М.: Изд-во МГУ, 1967. 669 с.; *Очерки истории исторической науки в СССР*, под ред. М.Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 692 с.; *Очерки истории исторической науки в СССР*, под ред. М.Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР. 1960. Т. 2. 862 с.; *Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь*, отв. ред. В.А. Дьяков. АН СССР, Институт славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1979. 426 с. и др.

¹⁹ Т.Т. Кручковский, *История Польши...* с. 18.

²⁰ M. Serejski, *Europa a rozbiory Polski*. Warszawa, 1970. 518 с.

²¹ В.А. Якубский, *Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в.* [в:] *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени*. СПб., 2000. Вып. 2. С. 3–15.

²² Там же, с. 11–12.

поддаются, – писал В.А. Якубский, – строгой раскладке по признаку прогрессивности или реакционности носителей этих воззрений. Разброс мнений по поводу польского прошлого и управляющих им закономерностей не так велик. На почве полонистики отчасти стиралась грань между славянофилом и западником»²³.

Кроме того, В.А. Якубский подчеркивал связь между теоретико-методологическими основами изучения истории и общественно-политическим процессом. «Российские полонисты испытали влияние гегельянства и других западных идей, многое подчеркнув у И. Лелевеля <...> тем не менее, окрасили собственные построения в сугубо национальные цвета»²⁴. Советское славяноведение только ужесточило этот подход. Впоследствии, по его мнению, позитивисты (Н.И. Кареев, Н.Н. Любич) предпочли отмежеваться от этих фундаментальных идей²⁵.

Одной из самых главных идей в российской исторической полонистике В.А. Якубский называет принцип векового противостояния Польши и России: «На авансцену у них вышел тезис о вековом противостоянии России и Польши, причем исторический путь последней был с редким единодушием признан аморальным, несущим беды славянскому миру»²⁶. Эти идеи, – делал заключение В.А. Якубский, – являются фундаментальными»²⁷.

Однако В.А. Якубский, отмечает В.В. Кутявин, – не был первым исследователем российской полонистики, который отметил эти закономерности и особые черты в историографическом исследовании истории Польши. Так В.В. Кутявин пишет²⁸, что одни из первых попыток выделить «фундаментальные» идеи появляются в исследованиях Т.Т. Кручковского²⁹. Соглашаясь с мнением В.А. Якубского, В.В. Кутявин считает, что часть этих фундаментальных идей была подмечена еще раньше. В частности он писал: «Чрезвычайно важно

²³ Там же, с. 11.

²⁴ Там же, с. 11.

²⁵ Там же, с. 12.

²⁶ Там же, с. 11–12.

²⁷ Там же, с. 12.

²⁸ В.В. Кутявин, *Первая мировая война и повороты российской исторической полонистики* [в:] *Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны)*, отв. ред. А.Б. Окунь. Самара, 2004. С. 143.

²⁹ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в.* М., 1992. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. 24 с.; Т.Т. Кручковский, *Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в.* [в:] *Славяноведение*. 1993. № 5. С. 76–85; Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в.* [в:] *Наши радавод*. Гродна, 1994. Кн. 6. Ч. II. С. 218–417; Т.Т. Кручковский, *Польская проблема в русской исторической мысли XIX – начала XX века: основные подходы и общественно-политические и исторические обстоятельства* [в:] *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ун-та. Сер. 1. Гісторыя. Філасофія. Культуралогія. Псіхалогія. Правазнаўства*. 2000. № 3. С. 9–20.

замечание Т.Т. Кручковского³⁰ о том, что при обращении к польской проблематике размывались четкие границы между либералами и консерваторами»³¹.

К подобному выводу склоняется, отмечал далее В.В. Кутявин, и В.А. Якубский, приводил в качестве доказательства его тезис о «стирании отчасти на почве полонистики грани между славянофилом и западником»³². Соглашаясь с этим мнением, Н.В. Пислегин отмечает, что существовала близость позиций консерваторов и либералов по польской тематике³³. По мнению В.В. Кутявина фундаментальные идеи российской полонистики окончательно оформились в 1860-х годах и стали концептуальной базой для последующей историографии³⁴.

В целом тезисы об основополагающих положениях российской полонистики Т.Т. Кручковского совпадают с «фундаментальными» идеями В.А. Якубского, но затрагивают больше сторон историографического исследования истории Польши и были они сформированы еще раньше: в исследованиях 1992–1994 годов³⁵. Так Т.Т. Кручковский еще в работах начала 1990-х годов, как впоследствии и В.А. Якубский, выдвигал положение господства в полонистике идеи векового противостояния России и Польши на протяжении всего существования этих государств³⁶.

Т.Т. Кручковский отмечает так же наличие в российской историографии независимо от ее направлений тезиса неправильности цивилизационного выбора Польским государством еще в X веке. Для подтверждения этого тезиса он приводит ряд примеров в творчестве российских историков. У большинства из них, отмечается автором, утверждалось, что западный выбор Польши был аморальным и несущим беды всем славянским народам, а принятие католичества несло исключительно отрицательную роль для последующего развития Польши³⁷. В итоге, по мнению ряда историков XIX – начала XX века, Польша была исключена из семьи славянства и стала изгоем среди славянских народов³⁸.

³⁰ Т.Т. Кручковский, *Проблемы разделов Речи Посполитой...* с. 80.

³¹ В.В. Кутявин, *Первая мировая война...* с. 143.

³² Там же, с. 143.

³³ Н.В. Пислегин, *Польский вопрос в общественной мысли России 10–60-х гг. XIX в.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/arhiv/st_p.php. Дата доступа: 29.03.2021.

³⁴ В.В. Кутявин, *Первая мировая война...* с. 138.

³⁵ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в.* М., 1992. Автореферат...; Т.Т. Кручковский, *Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в....*; Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в....*; Т.Т. Кручковский, *Польская проблема в русской исторической мысли XIX – начала XX века: основные подходы...*

³⁶ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в....*

³⁷ Там же.

³⁸ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в.* [в:] *Наша радавод...*

Так же отмечалось еще в работах 1990-х годов, что идея о Речи Посполитой как уникальном в общественно-политическом плане, но нежизнеспособном явлении (за исключением Ф.М. Уманца)³⁹. Из этой идеи они выводили мысль о неизбежной победе России в многовековой цивилизационно-идеологической борьбе с Польшей. В вопросе о западнорусских землях (современных белорусских и украинских) российская историография (здесь едины либералы и консерваторы) исходила из тезиса об исключительной прерогативе московского православного влияния⁴⁰.

К этим выводам В.В. Кутявина следует добавить, что отдельные тезисы этих фундаментальных положений появились еще в советской период⁴¹. Следует отметить в этом отношении оценочные положения В.А. Дьякова⁴² и С.М. Стецкевича⁴³. Положения В.А. Дьякова и С.М. Стецкевича об особых чертах и условиях развития российской исторической полонистики рассматривались в отдельной статье⁴⁴.

Эти фундаментальные (основополагающие) идеи российской исторической полонистики имели антизападный и консервативно-национальный характер: о вековом противостоянии России и Польши; о западном цивилизационном пути Польши, несущим беды славянскому миру; о восприятии Польши как изгоя славянского мира; о Речи Посполитой – как уникальном в общественно-политическом плане, но нежизнеспособном «уродливом» (в представлении консервативно-националистической историографии, а в интерпретации либерально-западной направленности) явлении⁴⁵. Мысль о возможности федеративного вхождения этих земель в состав Речи Посполитой (за исключением Ф.М. Уманца) или их самостоятельного развития (Беларуси и Украины) решительно отвергалась⁴⁶.

Однако в современной российской историографии предмета исследований⁴⁷ эти положения Т.Т. Кручковского не вспоминались (вероятно, по

³⁹ Т.Т. Кручковский, *Проблемы разделов Речи Посполитой...*

⁴⁰ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в.* [в:] *Наш радавод...*

⁴¹ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях российской историографии...* с. 219.

⁴² В.А. Дьяков, *Польская тематика в русской историографии конца XIX – нач. XX века (Н.И. Кареев, А.А. Корнилов, А.Л. Погодин, В.А. Францев)* [в:] *История и историки.* М.: Наука, 1981. С. 147–161.

⁴³ С.М. Стецкевич, *Становление и развитие советской исторической полонистики* [в:] *Исследования по истории славяноведения и балканистики.* М., 1981. С. 22–54.

⁴⁴ Т.Т. Кручковский, *Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической полонистики XIX – начала XX веков: историографический обзор* [в:] *ИАВБ.* Минск. 2016. № 2 (25). С. 29–36.

⁴⁵ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в.* [в:] *Наш радавод...*

⁴⁶ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях российской историографии...* с. 229.

⁴⁷ В.А. Якубский, *Фундаментальные идеи...*; Л.М. Аржакова, *Польский вопрос в русской историографии и публицистике первой трети XIX в.* [в:] *Albo dies notanda lapillo.* СПб., 2005.

причине тогда малодоступности этих трудов гродненского историка, хотя часть их была опубликована в Москве)⁴⁸. Возможно это также, по причине не совпадения взглядов по ряду принципиальных позиций: в первую очередь резкого акцентирования Т.Т. Кручковским полонофобских и антизападных позиций (в отношении истории Польши) русской исторической полонистики независимо от ее теоретико-методологических и общественно-политических направлений. Только в исследованиях В.В. Кутявина было отдано должное первенству ряду научных приоритетов в исследовании заявленной тематики Т.Т. Кручковским⁴⁹.

Автор статьи выдвинул еще в своих работах начала 90-х годов XX века ряд этих положений, используя название основополагающих идей, а так же поддержал выделение этих основополагающих фундаментальных идей российской полонистики исследуемого периода (приняв терминологию их как фундаментальных, хотя использует и свое определение их как основополагающих идей) и дополнил их следующими положениями: «о неизбежной победе России в вековом цивилизационном противостоянии с Польшей; о сугубо отрицательной роли католичества в истории не только западнорусских земель польско-литовской государственности, но и самой Польши; о том, что западнорусские земли (территории современных Беларуси и Украины) признавались только частью единой православной России и не могли интегрироваться

с. 173–193; Л.М. Аржакова, *Долгая пауза после блистательных успехов: Русская историческая полонистика на исходе XIX века* [в:] *Славяноведение*. 2010, № 1, с. 44–53; Л.М. Аржакова, *Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2010, 343 с.; Л.М. Аржакова, *Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014, 543 с.; Л.П. Лаптева, *Основные этапы развития славяноведения в России (XIX – начало XX века)* [в:] *Вопросы истории*. 2007, № 8, с. 156–162; , Л.П. Лаптева, *История славяноведения в России в XIX в.* М.: Индрик, 2005, 848 с.; Л.П. Лаптева, *История славяноведения в России в конце XIX – начале XX в.* М.: Индрик, 2012; С.М. Фалькович, *Польская проблематика в российской историографии* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jazon.hist.uj.edu.pl/zjazd/materialy/falkowicz.pdf/> – Дата доступа: 30.05.2014 и др.

⁴⁸ Т.Т. Кручковский, *Н.И. Кареев о причинах падения Речи Посполитой*. М., 1991, 48 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 28.10.1991, № 45652; Т.Т. Кручковский, *Реформация в Польше в оценке русской историографии второй половины XIX в.* М., 1992, 52 с. Деп. в ИНИОН РАН 26.11.1992, № 48256; Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в.* Автореферат... 1992, 24 с.; Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX века*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.03. Москва, 1992, 282 с.; Т.Т. Кручковский, *Проблемы разделов Речи Посполитой...* с. 76–85.

⁴⁹ В.В. Кутявин, *Первая мировая война и повороты российской исторической полонистики* [в:] *Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны)*, отв. ред. А.Б. Окунь. Самара, 2004. С. 138–149; В.В. Кутявин, *Изучение этнических стереотипов в российской гуманитаристике: взгляд историка* [в:] *Dusza polska i rosyjska: Spojrzenie współczesne*. pod red. A. de Lazari i R. Bäckera. Łódź, 2003. С. 31–37; В.В. Кутявин, *Польское восстание 1830–1831 гг. и проблема взаимного восприятия русских и поляков* [в:] *Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков*. М., 2003. С. 55–63.

с Польшей в составе Речи Посполитой или существовать в качестве самостоятельных государственных образований»⁵⁰.

В свою очередь В.В. Кутявин приводит своё видение главных идей российской исторической полонистики XIX – начала XX века⁵¹. Он отмечает, что в российском обществе полонофобия уже с XIX века становится характерной чертой русской культурной и политической традиции⁵², и поэтому российская историография в своем отношении к польской тематике выражала разделяемый самыми широкими общественными кругами официальный взгляд на Польшу⁵³.

В немалой степени, по мнению В.В. Кутявина, формирование полонофобии произошло под сильнейшим влиянием вооруженных восстаний польского народа⁵⁴. Н.В. Пислегин так же считает, что восстания сформировали в России явление полонофобии как реакции на польскую «измену»⁵⁵. «Не приходится недооценивать тот факт, – однако Л.М. Аржакова замечает, – что в русском обществе и до Январского восстания, и особенно после его начала крайне сильны были антипольские настроения»⁵⁶.

Получается, делает заключение В.В. Кутявин, что русская историография в своем отношении к польской проблематике выражала «русский», т.е. разделяемый самыми широкими общественными кругами взгляд на Польшу, ее историческую судьбу, ее будущее⁵⁷. «Долгое время многие интеллектуалы (особенно в России), – продолжает он, – уступали исследованию проблем, связанных с нацией, патриотизмом и т. п., мистификаторам консервативной ориентации»⁵⁸. «Полонофобия уже с XIX века, – утверждает В.В. Кутявин, – становится неотъемлемым элементом русской культурной и политической традиции»⁵⁹. По определению Д.В. Карнаухова, в русской, а точнее русскоязычной, научной литературе имперского (дореволюционного) периода интерес к истории Польши, польской историографии в значительной мере подогревался славянофильскими устремлениями авторов⁶⁰.

⁵⁰ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях российской историографии...* с. 220.

⁵¹ В.В. Кутявин, *Первая мировая война и повороты...* W. Kutiawin, *Polska i Polacy w historiografii rosyjskiej* [в:] *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*, pod red. A. de Lazari. Warszawa, 2006. С. 411–432; В.В. Кутявин, *Изучение этнических стереотипов в российской гуманитаристике...*

⁵² W. Kutiawin, *Polska i Polacy w historiografii rosyjskiej...* с. 414.

⁵³ Там же, с. 414.

⁵⁴ В.В. Кутявин, *Первая мировая война...* с. 145.

⁵⁵ Н.В. Пислегин, *Польский вопрос в общественной мысли...*

⁵⁶ Л.М. Аржакова, *Польский вопрос и его преломление...* с. 252.

⁵⁷ В.В. Кутявин, *Первая мировая война...* с. 143.

⁵⁸ В.В. Кутявин, *Польское восстание 1830–1831 гг...* с. 56.

⁵⁹ W. Kutiawin, *Polska i Polacy w historiografii rosyjskiej...* с. 414.

⁶⁰ Д.В. Карнаухов, *Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения* [в:] Д.В. Карнаухов. М.: НГПУ, 2010. С. 3.

Л.М. Аржакова отмечает так же, что российские историки придерживались мнения, что Речь Посполитая была нежизнеспособным явлением и поэтому в действиях России по ликвидации Речи Посполитой нет никакой вины⁶¹. «Многие воспринимали Польшу как изгоя всего славянского мира, а Речь Посполитую – вообще как уникальное и нежизнеспособное явление, – пишет историк, – что снимало с восточного соседа Речи Посполитой всякую вину за ликвидацию польской государственности. Ликвидацию эту воспринимали как дело неизбежное, исторически predeterminedное»⁶².

Одновременно во многом посредством дихотомии Россия–Польша долгое время определялось отношение в России к западной цивилизации, перенося отчасти и на Польшу российский «комплекс неполноценности» перед Западом. В связи с этими обстоятельствами российская историография рассматриваемого периода (или имперского периода как она еще определяется в современной российской науке) не могла однозначно относиться к Польше и ее истории с позиций колониального превосходства, как это было свойственно для современной ей английской исторической мысли относительно, например, Ирландии или германской – в отношении неполноценности исторического пути Польши⁶³. Дело обычно не ограничивалось, продолжает Л.М. Аржакова, антитезой: «Польша–Россия»⁶⁴. Эти тезисы восходят к идеям, высказанным ранее в польской науке о том, что Польша воплощала не только Запад, но и Восток Европы, а в условиях XIX века «если Европа – это цивилизация политической свободы, то Польша стала центром этой цивилизации в XIX веке»⁶⁵.

Сформулированные и развитые в это время идеи и стереотипы оказали влияние на дальнейшее развитие исторической полонистики, некоторые дошли до нашего времени. Это дает возможность увидеть истоки творческой лаборатории в отношении исторической полонистики современной исторической науки в России, Беларуси, Украине. Также анализ российской исторической полонистики изучаемого периода позволяет определить составляющие современной исторической политики России.

Такая общая ситуация относительно российской исторической полонистики не могла способствовать объективному историческому познанию. Это отражалось и на характере подачи материала. Стиль изложения исторической полонистики часто далек от академического: допускались эмоциональные оценки, разного рода пренебрежительные пассажи и замечания, позволялось вольное цитирование и толкование источников, исходя из политической

⁶¹ Л.М. Аржакова, *Польский вопрос и его преломление...* с. 468.

⁶² Там же.

⁶³ Т.Т. Кручковский, *История Польши...* с. 229.

⁶⁴ Л.М. Аржакова, *Польский вопрос и его преломление...* с. 468.

⁶⁵ A. Nowak, *Od Polski do post-polityki. Intelktualna historia zapaści Rzeczypospolitej*. Kraków: Arkana, 2011.

целесообразности и т. д. По этой причине оценки были часто категоричны, имели часто публицистический характер⁶⁶

Либеральные историки второй половины XIX – начала XX веков (Н.И. Кареев, В.О. Ключевский, А.Л. Погодин) с рядом оговорок отказались от ряда основополагающих положений своих предшественников: об ошибочности западного цивилизационного выбора Польши; сугубо отрицательной роли католичества; однозначно негативной оценки шляхетского общественного устройства. Однако, как показывает изучение российской исторической полонистики, положение об отказе либеральной историографии с 1880-х годов XIX века от фундаментальных основ своих предшественников не совсем точно. Она сохранила ряд славянофильских тезисов: об отдельной исторической миссии России и Польши, о неизбежности гибели Польши в противостоянии с Россией, о западнорусских землях как исключительно части единой православной России, об ущербности шляхетского устройства и т. д.⁶⁷

Исходя из таких предпосылок, российско-польское противостояние рассматривалось в российской историографической традиции как борьба различных «миров» или цивилизаций. Это положение сохранилось и в либеральных западнических концепциях. В оценке С.М. Соловьева это было противостояние, напоминающее положения славянофильской концепции о борьбе славянства и германского мира, к которому примыкала и Польша, изменившая своей исторической миссии. В.О. Ключевский и Н.И. Кареев рассматривали это цивилизационное противостояние, исходя из конкретно-исторической оценки и общественно-политического устройства Речи Посполитой и России допетровского периода, как западной (Польши) и восточной (Московии). Они представили не типичный для современной им российской науки образ Речи Посполитой как страны передовой западноевропейской культуры, религиозной терпимости (до победы контрреформации), объединяющей к началу XVII века не только католическую Польшу, но и ряд православных земель Западной России в противовес почти варварской с азиатскими основаниями Московии. Показывая черты Московии как уклада восточной деспотии, однако, называть таковой ее не стали⁶⁸.

⁶⁶ Т.Т. Кручковский, *История Польши...* с. 230.

⁶⁷ Т.Т. Кручковский, *История Польши...*, Т.Т. Кручковский, *Фундаментальные идеи русской либеральной полонистики второй половины XIX – начала XX вв.* [в:] *Беларусь у кантэкстцеўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава: зб. навук. арт.*, ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: А.А. Каваленя (гал. рэд.). Гродна: ГрДУ, 2019. С. 45–48.

⁶⁸ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях...*; Т.Т. Кручковский, *История Польши в исторической концепции В.О. Ключевского* [в:] *Вестнік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*. Сер. 1, 2014. № 3. С. 53–66; Т.Т. Кручковский, *История Польши в исторической концепции Н.И. Кареева* [в:] *Вестнік БарДУ. Серія історыя і археалогія*, 2015, вып. 2. С. 30–45 и др.

В ряде современных историографических исследованиях показано преломление этих фундаментальных (основополагающих) идей как на общих оценочных подходах российской исторической полонистики⁶⁹, так и на примере наиболее крупных представителей российской историографии, таких как Н.М. Карамзин⁷⁰, С.М. Соловьев⁷¹, В.О. Ключевский⁷², Н.И. Кареев⁷³ и других⁷⁴.

Сложность исследования истории Польши в русской исторической полонистике была обусловлена, в том числе и проблемой взаимовосприимчивости русских и поляков, а также существенной разницей польских и русских общественно-политических и культурно-ментальных традиций. Это

⁶⁹ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX века*. Диссертация...; Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в.* Автореферат...; Т.Т. Кручковский, *Проблемы разделов Речи Посполитой...*; Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии...*; Т.Т. Кручковский, *Польская проблема в русской исторической мысли XIX – начала XX века: основные подходы...*; Т.Т. Кручковский, *Цивилизационный выбор Польши в оценке русской исторической мысли конца XVIII – начала XX в.* [в:] *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*. Сер. 1. № 3). С. 24–31; Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии первой половины XIX века: историческая тематика и польский вопрос*. Гродно, 2011. 418 с.; Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях...*; В.В. Кутявин, *Первая мировая война и повороты российской исторической полонистики...*; Н.В. Пислегин, *Польский вопрос в общественной мысли России 10–60-х гг. XIX в.* ...; Л.М. Аржакова, *Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке...*; Л.М. Аржакова, *Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века...* и др.

⁷⁰ Т.Т. Кручковский, *История Польши в исторической концепции Н.М. Карамзина* [в:] *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*. Сер. 1. 2008, № 3. С. 3–11; Т.Т. Кручковский, *Польско-российское соперничество во времена Стефана Батория в оценке Н.М. Карамзина* [в:] *Шлях да узаемнаці. Матэрыялы XV Міжнароднай навуковай канферэнцыі*. Гродна: ГрДУ. 2009. С. 243–257 и др.

⁷¹ Т.Т. Кручковский, *История Польши в исторической концепции С.М. Соловьева* [в:] *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*. Сер. 1. 2015. № 3. С. 67–85; Т.Т. Кручковский, *Польско-германское противостояние X–XVI веков в оценке русской либеральной историографии второй половины XIX – начале XX века (на примере С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.И. Кареева)* [в:] ИАВБ. Минск, 2015. № 2. С. 53–59 и др.

⁷² Т.Т. Кручковский, *История Польши в исторической концепции В.О. Ключевского...*; Т.Т. Кручковский, *Историческая полонистика В.О. Ключевского в оценке польской историографии* [в:] *KLIO POLSKA. Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej*. Warszawa, 2017. Т. 9. С. 33–55; T. Kruczkowski, *Polityka polska Katarzyny II w ocenie Wasyla Kluczewskiego* [в:] *Rosja–Polska–Bałkany XVIII–XX w.* Szczecin, 1998. С. 101–115 и др.

⁷³ Т.Т. Кручковский, *История Польши в исторической концепции Н.И. Кареева...*; Т.Т. Кручковский, *Кареев о цивилизационном выборе польского народа в средневековье* [в:] *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*. Сер. 1. 2010. № 1. С. 78–86 и др.

⁷⁴ Т.Т. Кручковский, *Уманец Ф.М. как историк Речи Посполитой* [в:] *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*. Сер. 1. 2007. № 2. С. 47–53; Т.Т. Кручковский, Е.Н. Котусев, *Оценочные подходы Н.Н. Любовича к истории реформации в Речи Посполитой: историографический обзор* [в:] *Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития*. Гродно, 2020. С. 31–35 и др.

хорошо прослеживается в разнородных трудах полонистического содержания (С.М. Соловьев⁷⁵, А.С. Трачевский⁷⁶ и др.)⁷⁷. Патриотизм, понимаемый как имперское сознание, как показывает историографическое исследование практики российской исторической полонистики, оказался живуч в среде либерально настроенных деятелей общественной жизни и науки⁷⁸.

В связи с этим представляет собою интерес исследование, посвященное преломление в творчестве П.Н. Жуковича, одного из выдающихся учеников М.О. Кояловича, основного теоретика и практика западноруссизма, основанного на фундаментальных идеях российской исторической полонистики имперского периода. Историографический анализ творчества П.Н. Жуковича позволяет сделать вывод о его принадлежности его, как и А.С. Будиловича и Е.Ф. Карского, в основных сущностных чертах к школе западноруссизма (белорусского регионального варианта славянофильства). В данном контексте историографическое наследие П.Н. Жуковича еще не исследовалось.

Несмотря на активное использование творческого наследия историка, его работы не достаточно изучены, недооценена масштабность его исследований. Отсутствуют комплексные исследования научных работ П.Н. Жуковича. Краткую информацию о нем содержат энциклопедии справочного характера⁷⁹, работа А.Н. Нечухрина⁸⁰. Более подробно об историке написано в статье биографического характера В.А. Тепловой⁸¹. В контексте изучения жизни и деятельности М.О. Кояловича обратился к теме жизни и творчества П.Н. Жуковича (как одного из выдающихся учеников первого) В.Н. Черепица⁸². Он рассматривал в первую очередь оценочные позиции историка по белорусскому вопросу.

Т.Т. Кручковский рассматривал некоторые оценки П.Н. Жуковича истории Речи Посполитой, в частности Реформации и польского шляхетского общественно-государственного устройства, на фоне оценок этих явлений истории Польши в русской историографии второй половины XIX века. Он

⁷⁵ С.М. Соловьев, *История падения Польши*. М.: Тип. Грачева и компании, 1863. 369 с.

⁷⁶ А.С. Трачевский, *Польское бескорольеве по прекращению династии Ягеллонов*. М.: Тип. Грачева и комп. 1869. 664 с.

⁷⁷ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии...* с. 299.

⁷⁸ Там же, с. 278.

⁷⁹ В. Грыгор'ева, *Жуковіч Платон Мікалаевіч* [в:] *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6т. Мн., 1996. Т. 3. С. 374; Жуковіч Платон Мікалаевіч* [в:] *Мысліцелі і асветнікі Беларусі. X–XIX стагоддзі: Энцыклапедычны даведнік*. Мн., 1995, с. 429–430.

⁸⁰ А.Н. Нечухрин, *Историки Гродненщины*. Гродно: ГрГУ, 1989. 26 с.

⁸¹ В.А. Теплова, *Платон Николаевич Жукович (1857–1919 гг.): забытое имя* [в:] *Материалы 1-ой Международной ежегодной летней школы молодых ученых «Русский язык: горизонты сотрудничества»*. Ред. коллегия: Т.В. Винниченко, Н.Н. Бедина, Л.В. Левшун. Фонд: Русский мир. Архангельск, 2009. С. 103–132.

⁸² В.Н. Черепица, *Михаил Осипович Коялович: история жизни и творчества*. Гродно: ГрГУ, 1998. 328 с.

отмечал, что исследования П.Н.Жуковича основывались на привлечении значительного архивного материала, выделял ученого среди других консервативных историков объективным подходом и желанием избежать славянофильских стереотипов в оценке ряда явлений истории Речи Посполитой⁸³. Г.В. Васюк и Т.Т. Кручковский отмечают, что П.Н. Жукович был одним из немногих русских историков, обратил внимание на вклад польских исследователей в изучении конфессиональных отношений в Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII вв.⁸⁴ К.М. Ирха рассматривала проблематику борьбы православных дворян с Брестской церковной унией в оценке П.Н. Жуковича⁸⁵. Российский исследователь М.В.Дмитриев положительно оценивает труды П.Н.Жуковича, отмечая, что они являлись большим шагом в изучении религиозно-политической борьбы в контексте причин заключения Брестской унии⁸⁶.

Платон Николаевич Жукович (1857–1919 гг.) родился в г. Пружаны Гродненской губернии (территории современной Беларуси) в семье православного священника, будущего митрофорного протоиерея Александроневского собора (что во многом определило его интерес к религиозной проблематике). Он окончил Кобринское духовное училище в 1871 году одним из трёх лучших учеников. После окончания Кобринского духовного училища он поступил в Литовскую духовную семинарию в Вильно (окончил ее в 1877 г.). Санкт-Петербургскую духовную академию П.Н. Жукович окончил по церковно-историческому отделению со степенью кандидата богословия в 1881 году.

В то время отделением руководил профессор М.О. Колович – один из основателей идеологии «западнорусизма». Именно труды М.О. Кояловича, его личное влияние во многом и определили формирование интереса молодого студента к проблемам истории «западнорусских земель». В качестве темы дипломной работы П.Н. Жукович выбрал «Кардинал Гозий и Польская церковь его времени»⁸⁷. За время учебы работа переросла в кандидатскую диссертацию, которую П.Н. Жукович успешно защитил в 1881 году.

Основная часть его научно-исследовательской и преподавательской деятельности связана с Санкт-Петербургской духовной академией, где П.Н. Жукович заведовал кафедрой гражданской истории. С 1891 года он

⁸³ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в.* [в:] *Наши радавод*. Гродна, 1994. Кн. 6. Ч. II. С. 218–417.

⁸⁴ Г.В. Васюк, Т.Т. Кручковский, *Брестская церковная уния в польской историографии*. С. 395–398.

⁸⁵ Е.М. Ирха, *П.Н. Жукович о борьбе православных дворян с Брестской церковной унией* [в:] *Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава: зб. навук. арт., у 2 ч.* Ч. 1; рэдкал.: А.А. Каваленя (гал. рэд.), Гродна: ГрДУ, 2019, с. 41–44.

⁸⁶ М.В. Дмитриев, *Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг.* М.: Издательство МГУ, 2003, с. 16.

⁸⁷ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозия и польская церковь его времени*. СПб., 1882. 557 с.

доцент по кафедре гражданской истории в Санкт-Петербургской духовной академии (после смерти М.О. Кояловича), с 1894 года экстраординарный, с 1901 года ординарный, с 1911 года сверхштатный ординарный, с 1916 года заслуженный профессор, с 1912 года почётный член академии. Российская академия наук оценила вклад П.Н. Жуковича в научную деятельность: 30 ноября 1918 года ученый был избран членом-корреспондентом Российской академии наук по отделению русского языка и словесности.

Награжден орденами Св. Станислава 3-й, 2-й и 1-й (1913 г.) степеней, Св. Анны 3-й и 2-й (1901 г.) степеней, Св. Владимира 4-й (1905 г.) и 3-й (1911 г.) степеней.

Научную и педагогическую деятельность П.Н. Жукович сочетал с общественной. Он принимал активное участие в работе Русского исторического общества, Русского библиографического общества, являлся почетным членом Императорского археологического института, Императорского русского географического общества. В 1916 году историк по приказу Священного Синода был задействован в работе комиссии Государственной Думы в делах православной церкви, являлся делегатом Всероссийского церковного Собора Русской православной церкви в 1917–1918 годах.

Одним из наиболее фундаментальных трудов, принесшим ученому известность (это была его докторская диссертация), было исследование «Сеймовая борьба западнорусского дворянства с церковной унией»⁸⁸. В нем П.Н. Жукович подробно исследовал сеймовую борьбу не изолированно, а в связи с общими условиями и обстоятельствами внутренней ситуации и международного положения Речи Посполитой в изучаемый период. Это дало возможность детально оценить усилия православной шляхты в борьбе с унией и представить в благоприятном освещении сами последствия борьбы. П.Н. Жукович впервые вводит в научный оборот широкий круг источников, среди которых сеймовые конституции Речи Посполитой, донесения послов, постановления церковных соборов, диаруши и личная переписка политических и церковных деятелей Польши и ВКЛ.

Впоследствии П.Н. Жукович занимался историей Польши, ВКЛ, территорий Украины в XVI–XVIII веках, и, особое внимание уделял Реформации в Польше, в ней рассматривалась проблема сотрудничества православных и протестантов, а так же распространения церковной унии⁸⁹. Его труды основывались на большом архивном материале, отличались анализом огромного круга источников, в том числе и латиноязычных и стремлением дать объективную оценку различных событий. Поэтому работы историка

⁸⁸ П.Н. Жукович, *Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией до 1609 г.* СПб.: Типография Главного управления делов, 1901. 617 с.

⁸⁹ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий и польская церковь его времени*, СПб., 1882, 557 с.; П.Н. Жукович, *Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией*, СПб., 1901, 617 с.

широко использовались польскими исследователями конца XIX – начала XX в., а также последующими поколениями польских исследователей⁹⁰. В результате такого подхода П.Н. Жукович стал одним из немногих российских историков консервативно-славянофильской направленности, сумевшим выйти из некоторых фундаментальных идей российской исторической полонистики.

Однако в целом П.Н. Жукович, изучая историю Польши, ВКЛ, земель Украины в XVI–XVIII веках, подходил к исторической полонистике вполне в русле фундаментальных положений современной ему российской историографии: он рассматривал соперничество Польши и России как их вековое цивилизационное противостояние, а так же польское влияние на православные земли ВКЛ и Речи Посполитой, как совершаемую на этих землях католическую экспансию. По его мнению, Польша стала страной латинской цивилизации посредством принятия католичества, и романо-германское влияние проявилось в ней через введение в славянской стране римских законов, международного права, католичества, латинского языка в качестве языка богослужения, образования и «если национальное сознание у поляков не умерло, – заключал историк вполне в русле идей российской консервативной историографии, – то было очень слабо, очень тускло»⁹¹.

В таком же плане, как борьбу российского православного элемента и «идеи полонизма», П.Н. Жукович представлял отношения уже в XIX веке между православным населением Западной России и сохранившимся польским дворянством. В этом отношении П.Н. Жукович следовал за идеями предшествующей ему российской историографии и, прежде всего его учителя – М.О. Кояловича⁹². М.О. Коялович писал об ошибочности российской политики в отношении Польши и поляков в Западной России, имея в виду сохранение польского землевладения и, главное, церковной унии до 1839 года⁹³.

Определение сущности польской модели развития как полонизма нашли у Ю.Ф. Самарина, согласно нашему мнению, классическое славянофильское определение в широком смысле этого понятия, как одна из фундаментальных идей российской историографии, которыми пользовались М.О. Коялович и П.Н. Жукович. Ю.Ф. Самарин еще осенью 1863 года объяснял, что «под полонизмом следует понимать не только поляков как народ, государство,

⁹⁰ Г.В. Васюк, Т.Т. Кручковский, *Брестская церковная уния в польской историографии конца XIX – начала XX вв.* [в:] *Наш радавод: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Гісторычная памяць народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі. XIII–XX ст.»*. 1996. Книга 7. С. 395–398.

⁹¹ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий...* с. 53.

⁹² М.О. Коялович, *Литовская церковная уния в 2 т.* СПб.: Тип. Н.Тихменева, 1859. 459 с.; М.О. Коялович, *Лекции по истории Западной России.* М.: Тип. Бахметева, 1864. 394 с.

⁹³ М.О. Коялович, *Лекции по истории Западной России...* с. 363.

но и рассматривать это понятие как просветительское начало, или, вернее, как вооруженную пропаганду латинства»⁹⁴. Конкретизируя исторически свое определение полонизма, он утверждал, что Польша – «это острый клин, вогнутый латинством в самую сердцевину славянского мира с целью расколоть его в щепы»⁹⁵. По его мнению, вражда России и Польши заключается в том, что обе стороны имеют совершенно различные идеалы религиозного и политического характера⁹⁶.

В исследованиях об отношениях между православным населением Западной России и польским дворянством уже XIX века в условиях Российской империи П.Н. Жукович основывался на фундаментальных положениях российской историографии, прежде всего славянофильской ориентации, о борьбе с полонизмом как продолжении векового цивилизационного противостояния Польши и России. П.Н. Жукович в исследовании данной проблемы следовал за М.О. Кояловичем. Положение о том, что малороссы и белорусы являются ветвью русского народа, является общим для русской историографии имперского периода, начиная от консерваторов – М.О. Кояловича, П.Н. Жуковича и Д.И. Иловайского и заканчивая либералами – В.О. Ключевским и Н.И. Кареевым⁹⁷.

Так П.Н. Жукович, как и М.О. Коялович, подверг критике польскую политику Екатерины II времен разделов Речи Посполитой, считая ее недостаточной для искоренения полонизма в крае и его русификации. По этому поводу П.Н. Жукович писал, что «отсутствие у нашего правительства конца прошлого века в поземельной политике западных окраин твердого руководящего принципа <...> в конечном результате, вместо ослабления и уменьшения польского земледельческого класса в западном крае, произошло его новое усиление и увеличение»⁹⁸. Эта политика российского правительства, по его мнению, была результатом того обстоятельства, что «и правительство и общество считали западнорусские губернии польскими»⁹⁹. Показательно, что подобного рода положение существовало так же и в российской либеральной историографии¹⁰⁰.

Более того обвинения в адрес российского правительства за усиление позиций поляков в крае сохранилось и в современной белорусской

⁹⁴ Ю.Ф. Самарин, *Современный объем польского вопроса. Сочинения: в 5 т.* М.: Изд-во А.И. Мамонтова, 1877. Т. 1. С. 325.

⁹⁵ Там же, с. 333.

⁹⁶ Там же, с. 343.

⁹⁷ Т.Т. Кручковский, *История Польши...*

⁹⁸ П.Н. Жукович, *О русском землевладении в Северо-Западном крае со времен присоединения его к России.* СПб., 1895. С. 12–13.

⁹⁹ П.Н. Жукович, *Словный состав населения Западной России в царствование Екатерины II* [в:] ЖМНП. 1915. № 1. С. 77.

¹⁰⁰ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины...*

историографии¹⁰¹. Как продолжение этих идей можно рассматривать так же положения современного белорусского историка В. Снапковского о том, что Сталин для укрепления Польской народной республики (ПНР) передал полякам часть белорусских этнических территорий, имея ввиду Белосток и Ломжу¹⁰². Критика этого положения в настоящее время¹⁰³ встречается с сугубо агрессивной позицией националистически настроенных белорусских историков¹⁰⁴.

П.Н. Жукович негативно рассматривал политику российских властей на территории Западного края, считая вслед за М.О. Кояловичем ее недостаточно карательной в отношении сохранившегося польского дворянства, как оплота полонизма. П.Н. Жукович, как и М.О. Коялович, подверг критике с националистических позиций за мягкость в отношении поляков российскую политику в крае не только Екатерины II, Александра I, но и Павла I. Приводя конкретные цифры дарения крестьянских душ помещикам при Екатерине II и Павле I, историк делал упрек: «что обрусение края не входило в их планы», поскольку имения жаловались согласно императорским указам, как русским, так и польским дворянам по принципу лояльности и усердия¹⁰⁵.

П.Н. Жукович также упрекал российское правительство за недостаточное расширение в крае российского землевладения, что привело к тому, что «не сразу и не в полной мере, оно сумело справиться тут со своей задачей». «И после целого ряда правительственных мероприятий по укреплению внутренних связей Белоруссии с остальной Россией, – делал вывод историк, – фактически новоприсоединенная страна осталась во власти своих старых хозяев – польских панов»¹⁰⁶. Все это вело, по мнению П.Н. Жуковича, к господству в Северо-Западном крае польской идеи, и как следствие – росту польских антиправительственных выступлений¹⁰⁷. В связи с этим историк выступил ярким поборником карательных мер в отношении польских мятежников, поддерживая конфискацию имений не только у участников польских выступлений, но и их семей¹⁰⁸.

¹⁰¹ Z. Szybieka, *Historia Białorusi*. Lublin, 2002; А. Смалянчук, *Беларускі нацыянальны рух: ад «культурнага накаплення» да барацьбы за дзяржаўнасць. Пачатак XIX ст. – 1918 г.* Гародня, 2003 и др.

¹⁰² W. Snopkowski, *Międzynarodowe aspekty wytyczania granicy polsko-radzieckiej na odcinku białoruskim w latach 1949–1945* [в:] Polska–Białoruś. Warszawa, 1994. С. 170–179.

¹⁰³ Т. Кручковский, *Поляки на Беларуси: на фоне истории и современности*, Слоним, 2003. 272 с.

¹⁰⁴ А.Ф. Смаленчук, (рецензия) Т. Kruczkowski «*Polacy na Białorusi na tle historii i współczesności*», *Słonim* 2003. [в:] *Гістарычны Альманах*. Гародня, 2004. Т. 9. <http://kamunikat.net.iig.pl/www/czasopisy/almanach/09/30/htm>; W. Snopkowski, *Międzynarodowe aspekty...* и др.

¹⁰⁵ П.Н. Жукович, *О русском землевладении в Северо-Западном крае со времен присоединения его к России*. СПб., 1895. С. 11–12.

¹⁰⁶ П.Н. Жукович, *О русском землевладении в Северо-Западном крае...* с. 4.

¹⁰⁷ Там же, с. 7.

¹⁰⁸ Там же, с. 15.

Однако в исследовании конфессиональной истории Польши и ВКЛ (прежде всего Реформации и Брестской церковной унии) П.Н. Жукович сумел в ряде моментов отойти от ряда фундаментальных положений современной ему российской историографии. В наиболее разработанном виде концепция характера Реформации и ее польского варианта имеется у Н.И. Кареева¹⁰⁹, Н.Н. Любовича¹¹⁰ и П.Н. Жуковича. Основными исследованиями истории Польши и ВКЛ П.Н. Жуковича были: «Кардинал Гозий и польская церковь его времени»¹¹¹, вышедшая в 1882 году и «Сеймовая борьба западнорусского дворянства с церковной унией»¹¹². В первой работе П.Н. Жукович представил свою концепцию Реформации в Польше, выразившуюся в сочетании экономических и конфессиональных факторов. В последней работе П.Н. Жукович подробно исследовал сеймовую борьбу конца XVI – начала XVII века не изолированно, а в связи с общими условиями и обстоятельствами внутренней ситуации и международного положения Речи Посполитой.

При исследовании истории польского реформационного движения русская историческая наука основывалась как на собственных источниковых исследованиях (в первую очередь – Н.Н. Любовича, работавшего над поиском документов в архивах Москвы, Петербурга, Варшавы, Парижа, а также и Ватикана, а так же и отчасти П.Н. Жуковича), так и на уже опубликованных источниках и результатах исследований польской историографии (Н.И. Кареев, П.Н. Жукович), давая им собственную интерпретацию в соответствии со своими взглядами на данную проблему.

Большое влияние в таких условиях на достижения русской исторической науки оказала степень разработки данной проблематики в польской историографии. Она была, как отмечает В. Закшевский, один из исследователей истории реформации, в начальной стадии разработки¹¹³. Сам же П.Н. Жукович, давая обзор польской историографии реформационного движения, отмечал заслуги В. Закшевского и Ю. Шуйского¹¹⁴.

В целом характер польской Реформации П.Н. Жукович определял в духе славянофильских традиций как борьбу польской славянской души с западной католической цивилизацией. Он утверждал, что одна из главных причин польской Реформации – «национальное чувство, славянскую неприязнь

¹⁰⁹ Н.И. Кареев, *Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше*. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1886. 192 с.

¹¹⁰ Н.Н. Любович, *Начало католической реакции и упадок реформации в Польше*. Варшава: Тип К. Ковалевского, 1890. 400 с.; Н.Н. Любович, *История реформационного движения в Польше. Кальвинисты и антитринитарии*. Варшава: Тип. Земкеевича и Новаковского, 1883. 376 с.

¹¹¹ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий и польская церковь его времени*. СПб., 1882. 557 с.

¹¹² П.Н. Жукович, *Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией*. СПб., 1901. 617 с.

¹¹³ W. Zakrzewski, *Powstanie i wzrost reformacji w Polsce (1520–1572)*. Lipsk, 1870.

¹¹⁴ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий...* с. 114–115.

поляков к романо-германскому миру»¹¹⁵. «Оно ожило, – считал ученый, вслед за М.О. Кояловичем, – только под влиянием гусизма и гуманизма, и протестантизм сразу же акклиматизировался в условиях польской жизни, проникал вглубь ее»¹¹⁶. Подобную точку зрения высказывал и русский либеральный историк А.С. Трачевский, работающий одно время в Варшавском российском университете, отмечая, что характерной чертой «польской почвы» для Реформации было стремление к независимости от Рима¹¹⁷.

В то время как в русской либеральной историографии (отошедшей в данном вопросе от фундаментальных положений российской историографии) Реформация рассматривалась, вслед за европейской и польской, как сложное религиозное и общественное движение в жизни Европы XVI века, направленное против засилья католической церкви при переходе от средневековья к новому времени¹¹⁸.

П.Н. Жукович, как и Н.И. Кареев, в этой сеймовой борьбе увидел не только экономический вопрос, но и политический, идеологический, а именно: вопрос ликвидации сословных привилегий, главным образом, католической иерархии. Реформация в Польше, отмечал Н.И. Кареев, вылилась в острую сословную борьбу шляхты и духовенства, она вытекала из сословного антагонизма двух правящих сословий¹¹⁹. В этой борьбе ликвидация экономического могущества католической церкви, по его мнению, являлась лишь средством для достижения шляхтой господствующего положения в обществе.

Противоречиво в российской историографии решался вопрос о социальных слоях в Польше поддерживающих идеи Реформации. В силу ряда особенностей действительности, считал П.Н. Жукович, реформация в Польше получила исключительно шляхетский характер¹²⁰. По мнению же Н.И. Кареева реформация охватила только магнатию и состоятельную шляхту. Н.Н. Любович считал, что Реформацию приняла только шляхта, но не магнатирия. Ф.М. Уманец выдвигал положение о том, что сторонниками реформации были в основном магнаты¹²¹. Он обосновывал это положение тем, что для принятия протестантизма требовался определенный уровень развития. В умственном же плане, считал он, – аристократия далеко опередила шляхту, и именно ее большинство приняло Реформацию¹²². «Крестьянство, – утверждал П.Н. Жукович, – из-за своей забитости, темноты и несправедливости,

¹¹⁵ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий...* с. 53.

¹¹⁶ Там же, с. 56.

¹¹⁷ А.С. Трачевский, *Польское бескорольевье...* с. XXI.

¹¹⁸ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в...*

¹¹⁹ Н.И. Кареев, *Очерк истории реформационного движения...* с. 61.

¹²⁰ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий...* с. 87.

¹²¹ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии II пол...* с. 317–320.

¹²² Ф.М. Уманец, *Вырождение Польши*. М., 1874. С. 143.

не могло принять участия в Реформации, и его вера определялась верой господ»¹²³. Положение о том, что крестьянство и значительная часть горожан остались в стороне от реформации, являлось общим для русской исторической науки второй половины XIX века. Оказалось оно и в арсенале историков следующего поколения (А.Л. Погодин, М.К. Любавский, Н.В. Ястребов)¹²⁴.

П.Н. Жукович был одним из немногих консервативных российских историков, признающих существование веротерпимости в Польше в период Реформации, и в этом вопросе он отказывался от ряда фундаментальных положений российской историографии. Он писал, что «польская католическая церковь, имея огромные богатства, была значительной социальной силой, но из-за политических и иных колебаний не могла эти возможности реализовать. Высший клир, – продолжал историк, – вел светский образ жизни, состоял на государственной службе, был охвачен полной деморализацией»¹²⁵. П.Н. Жукович отмечал, что в стране не существовало даже условий для религиозных преследований, не говоря о существующей в обществе обстановке веротерпимости¹²⁶. Более того П.Н. Жукович признавал, что польская веротерпимость заставила иезуитов менять свои методы, здесь они должны были перевоспитывать новое молодое поколение шляхты¹²⁷.

Российской историографией отмечалась двойственность отношения королевской власти к реформации. П.Н. Жукович считал, что «король желал реформы церкви, но реформы мирной, постепенной, а не той религиозной революции, которая бушевала все его царствование в соседней Германии»¹²⁸.

Русским историком отмечалась слабость польского протестантизма из-за отсутствия фанатизма в польском обществе, оставшихся в католичестве народных массах и слишком большой его разделенности. П.Н. Жукович писал, что «причина смерти польского протестантизма в нем самом; умер естественной смертью, произошедшей от внутренней болезни, от внутренних поражений организма, которые сумела нанести и сделать неизлечимыми, получившая и от него не мало ран, противная сторона»¹²⁹.

На стороне католичества, продолжал историк, была привязанность массы народа к старине, к веками сложившемуся строю, вере отцов и дедов. Выдвигая такое положение, Жукович считал необходимым напомнить о противоестественном, по его мнению, характере католичества для славянского народа. Он писал: «традиции старины (католическая вера – Т.К.) хотя и поражает польскую мысль своей ненормальностью, уродливостью многих своих сторонних

¹²³ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий...* с. 90.

¹²⁴ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии II пол...* с. 327.

¹²⁵ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий...* с. 35.

¹²⁶ Там же, с. 77.

¹²⁷ Там же, с. 509.

¹²⁸ Там же, с. 78.

¹²⁹ Там же, с. 524.

проявлений, но в течение веков успели уже слишком тесно срастись с польской жизнью»¹³⁰. Отметим, что получается интересное явление, если вспомнить, что по П.Н. Жуковичу, одной из главных причин реформации было национальное сознание поляков, неприязнь к романо-германскому миру.

Одновременно П.Н. Жукович отмечал, что хотя «польское общество было достаточно подготовлено, чтобы легко и быстро поддаться новым влияниям, но оно едва ли способно было самостоятельно разобраться в массе нахлынувших на него идей и понятий, суждений и притом о предметах, часто требовавших для уразумения их солидной богословской подготовки»¹³¹. Хотя польское общество второй половины XV века, считал историк, и имело условия для самостоятельной переработки этих продуктов человеческой мысли, т.к. не было помех правительства, «но и не было помощи и направления, без чего не могло быстро и легко, – утверждал он, – быть воспринятым новое течение»¹³². Исходя из этого положения, российский историк и объяснял причины неприятия нововерия широкой массой польского народа, т.к. «протестантизм не обладал чувственной стороной, а у народных масс преобладают чувства над рассудком»¹³³. Данное утверждение П.Н. Жуковича явно заимствовано у М.О. Кояловича, утверждающего, что «протестанство может держаться прочно только у тех народов, которые отличаются большим преобладанием и развитием силы ума»¹³⁴. Это качество, по М.О. Кояловичу, принадлежит народам германской расы. «У славян же богато чувство, очень велико требование полноты, которая бы говорила не только уму, но и сердцу. В силу этих причин, – считал историк, – протестантизм не утвердился в славянских странах, не удержался он и у литвинов, которые сохранили многие славянские древние особенности»¹³⁵.

Характерной чертой польского реформационного движения отмечается русской исторической наукой, является его многообразие и радикализм. П.Н. Жукович считал, что такое количество сект протестантских мешало им достичь между собой соглашения¹³⁶. Существовала, считал ученый, – связь польских ариан – «нового и самого опасного врага протестантизма, с ересью жидовствующих, доходящих до совершенного отрицания христианства»¹³⁷. Она же сама, по мнению историка, появилась под влиянием евреев.

Наступление периода католической реакции в русской историографии обычно связывалось с приходом в Польшу и ВКЛ иезуитов и началом их

¹³⁰ Там же, с. 196.

¹³¹ Там же, с. 195.

¹³² Там же, с. 196.

¹³³ Там же, с. 403.

¹³⁴ М.О. Коялович, *Лекции по истории Западной России*. М., 1864. С. 216.

¹³⁵ Там же, с. 197.

¹³⁶ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий и польская церковь...* с. 80.

¹³⁷ Там же, с. 95.

деятельности. Здесь явно сказалось влияние В. Закшевского, определившего приход иезуитов и бескоролье в Речи Посполитой как начало контрреформации. Так, и П.Н. Жукович считал началом католической реакции приход иезуитов и смерть Сигизмунда Августа¹³⁸. Вместе с тем он подчеркивал в отличие от большинства русских историков, что религиозная свобода для правящего сословия еще осталась. Победу католической реакции и ликвидацию религиозных свобод П.Н. Жукович связывал с деятельностью иезуитов и относил ко времени Сигизмунда III.

П.Н. Жукович был так же одним из немногих консервативных российских историков, признающих существование не только веротерпимости в Речи Посполитой, но и наличие шляхетской демократии. Вместе с тем П.Н. Жукович целенаправленно не изучал проблематику общественно-политического устройства Речи Посполитой. В его фундаментальном труде «Сеймовой борьбы православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609г.)», за который ученый получил степень доктора и звание ординарного профессора, присутствуют некоторые аспекты, затрагивающие тематику шляхетского общественно-политического устройства Речи Посполитой.

Проблематика общественно-политического устройства Речи Посполитой рассматривалась так же косвенно П.Н. Жуковичем в контексте его исследования истории Брестской церковной унии 1596 года. Эту тематику межконфессиональных отношений затрагивал впервые в российской историографии в своем творчестве М.О. Коялович¹³⁹, учитель П.Н. Жуковича. М.О. Коялович утверждал, что церковная уния имела давние прочные исторические задатки: в борьбе двух цивилизаций¹⁴⁰.

Введение церковной унии 1596 года рассматривается в русской историографии либерального направления (Н.И. Кареев, А.Л. Погодин, А.Н. Пыпин) как результат победы в Польше католической реакции¹⁴¹. Более того, известный либерал и полонофил Н.И. Кареев рассматривал победу католической реакции в Польше и введение Брестской церковной унии, вслед за консервативной традицией в русской историографии, как одну из важнейших причин будущего падения Польши¹⁴².

Консервативная историография (Н.Н. Любович, М.О. Коялович, П.Д. Брянцев, Д.И. Иловайский и др.) считали католическую реакцию постоянно действующим явлением, и приостановленным лишь на недолгий период реформации этим движением¹⁴³. Исключение здесь составлял лишь

¹³⁸ Там же, с. 411.

¹³⁹ М.О. Коялович, *Литовская церковная уния в 2 т.* СПб.: Тип. Н. Тихменева, 1859. 459 с.

¹⁴⁰ М.О. Коялович, *История Западной России...* с. 241.

¹⁴¹ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века...*

¹⁴² Н.И. Кареев, *Очерк истории реформационного движения...*

¹⁴³ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века...*

П.Н. Жукович, оценки которого близки и позициям либеральной историографии. Одной из главных причин унии, утверждал историк, был кризис в православной церкви XVI века. В этих условиях, пытаясь найти выход из этого положения, инициативу заключения унии проявила православная иерархия, требуя взамен себе равных политических прав с католической церковью, т.е. мест в сенате¹⁴⁴. Правда сразу же историк ссылается на ее моральное разложение, пытаясь вернуться поближе к точке зрения своего учителя М.О. Кояловича, утверждающего тезис о моральном разложении инициаторов церковной унии.

П.Н. Жукович впервые в российской историографии рассматривал процесс введения Брестской церковной унии, не как это было принято в консервативном направлении как постоянно идущую католизацию и полонизацию западнорусских земель, а как сложный процесс внутреннего развития Речи Посполитой. П.Н. Жукович в сеймовой борьбе увидел не только экономический вопрос, но и политический и идеологический. При этом, по утверждению П.Н. Жуковича, этот процесс введения Брестской церковной унии происходил в основном в парламентской форме в виде сеймовой борьбы¹⁴⁵. Главной ареной он считал борьбу на общегосударственном сейме, где православные предьявляли иски самому королю, обвиняя его в правонарушениях духовных и светских процедур.

В своем исследовании П.Н. Жукович большое внимание уделил так же решениям поветовых сеймиков. Именно там, считал ученый, проявлялось волеизъявление православного дворянства, которое отразилось в выработке инструкций, составлении жалоб, предьявлении судебных исков¹⁴⁶.

Историк приводил в своем труде ряд таких примеров сеймовой борьбы с унией в период ее подготовки и введения. Так П.Н. Жукович отмечал, что столь важный вопрос как введение церковной унии невозможно было решить без сейма, однако, на Краковском сейме 1595 года проблема унии не поднималась¹⁴⁷. Впервые было открыто объявлено о предстоящей унии на Варшавском сейме 1596 года¹⁴⁸. Как один из примеров сеймовой борьбы по поводу унии П.Н. Жукович представил внесение на Главном литовском сейме в Слониме в 1597 году при содействии Христофора Радзивилла пункта о нарушении прав православной веры церковной унией в инструкцию для общегосударственного сейма¹⁴⁹. П.Н. Жукович отметил, что на Варшавский сейм 1597 года православных послов прибыло в два раза больше, а К. Острожский и Х. Радзивилл приехали в сопровождении войск. Православное и

¹⁴⁴ П.Н. Жукович, *Сеймовая борьба...* с. 90.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ П.Н. Жукович, *Сеймовая борьба...* с. 329.

¹⁴⁷ Там же, с. 169.

¹⁴⁸ Там же, с. 173.

¹⁴⁹ Там же, с. 261.

протестантское дворянство действовало согласованно и решительно требовало низложения принявших унию владык, угрожая срывом сейма¹⁵⁰. Главенствующая роль в противостоянии унии на следующем сейме в Варшаве 1598 г. принадлежала волынской шляхте, с точки зрения П.Н. Жуковича, «наиболее многочисленной и компактной массе православной»¹⁵¹. Она призвала на сеймовый суд епископов К. Терлецкого и И. Потей, вручив им позывные грамоты от волынского сеймика. Главные обвинения заключались в том, что К. Терлецкий и И. Потей «самовольно от имени всей Западной Руси в Риме признали власть папы римского, хотя им на это никто не давал согласия»¹⁵². Победой православных П.Н. Жукович считал внесение в конституцию сейма 1607 года положений о назначении на должности православной иерархии лишь православных священников, свободе богослужения, подтверждении прав православных братств и прекращении в отношении их судебных процессов¹⁵³.

Исследователь в числе первых обратил внимание на союзнические отношения в сеймовой борьбе между православными и протестантами, подготовку и попытку заключения между ними унии. До него эту тематику межконфессиональных отношений затрагивал в своем творчестве М.О. Коялович¹⁵⁴. Проблему сеймового союза двух конфессий в борьбе с контрреформацией, П.Н. Жукович решал на основе архивных и уже опубликованных источниках, результатах исследований польской историографии, при этом давая им собственную интерпретацию. Исследователь использует работы польского историка И. Лукашевича¹⁵⁵, полемическое произведения «Антиррисис», личную переписку К. Острожского, безвозвратно утраченную в результате пожара архива в Варшаве в 1944 году¹⁵⁶.

Таким образом, этот труд П.Н. Жуковича, написанный на основе подробнейшего анализа материалов деятельности литовских сеймов и сеймиков, представляет собой важнейшее историографическое значение для современной ему российской историографии не только в вопросе изучения истории становления и развития Брестской церковной унии, но и сеймового парламентаризма Речи Посполитой, как общественно-политического устройства польско-литовского государства, столь отличительного от современной ему Московии. Однако делать подобные выводы российский церковный

¹⁵⁰ Там же, с. 264.

¹⁵¹ Там же, с. 316.

¹⁵² Там же, с. 317.

¹⁵³ Там же, с. 527.

¹⁵⁴ М.О. Коялович, *Литовская церковная уния...*

¹⁵⁵ J. Łukaszewicz, *Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie*. T. 1. Poznań: Drukarnia Orędownika na Garbarach Ner. 45. 1842. 415 с.; J. Łukaszewicz, *O kościołach Braci Czeskich w dawnej Wielkopolsce*. Poznań: Czcionkami drukarni Karola Pompejusza. 1835. 420 с.

¹⁵⁶ Т. Кемпа, *Костянтин Василь Острозький (1524/1525–1608) воевода Київський і маршалок землі Волинської*. Хмельницький: ПП Мельник А.А. 2009. 342 с.

историк не стал, явно, по причине его консервативных общественно-политических взглядов.

Историк писал, что со вступлением на престол в Речи Посполитой Сигизмунда III Вазы, нерешенный вопрос о санкциях за нарушение религиозного мира поднимался на сеймах с периодичностью, при этом вызывал жестокое сопротивление и агрессию, либо игнорировался католическим большинством. А после того, как церковная уния между католиками и православными стала реальна, киевский воевода князь К. Острожский (как главный поборник православия, отрицавший унию под главенством Рима) обратился с предложением о сотрудничестве к протестантам через своего зятя протестанта Хр. Радзивилла. П.Н. Жукович обращал внимание, что протестанты были заинтересованы в православных, как союзниках против католической экспансии¹⁵⁷.

На сеймах с 1596 по 1598 г. действия православных и протестантов, отмечал П.Н. Жукович, были солидарны. Историк писал, что именно глава литовских протестантов Хр. Радзивилл энергичнее всего отстаивал интересы и требования православных послов, а смоленский воевода Я. Абрамович своей властью поддерживал деятельность виленского братства¹⁵⁸.

Как один из результатов этого союза, по мнению П.Н. Жуковича, явился акт конфедерации православных и протестантов, составленный в Вильно 18 мая 1599 года. В этом акте содержались жалобы на многочисленные нападения на церкви, монастыри и зборы, препятствия проведения богослужений, ограничений гражданских прав (запрете селиться в городах, отстранение от цехов и ремесел и т.д.). Особенно, обратил внимание П.Н. Жукович, на жалобу об отстранении «от чести и хлеба в государстве, от сенаторских мест, чинов, должностей и т.д.». Любой шляхтич, делавший карьеру должен был иметь ввиду это обстоятельство. Историк считал, что именно эта причина являлась наиболее важной в конверсии протестантов и православных в католичество¹⁵⁹.

И хотя в ходе этого союза обнаружилось, утверждал ученый, что православные и протестанты не оценили тех огромных догматических и церковно-канонических различий между ними, однако наряду с этим он показывал мирные парламентские формы борьбы. В итоге П.Н. Жукович отметил, что «для православных иерархов церковная уния с протестантами была более невозможна, чем с католиками»¹⁶⁰. В данном случае П.Н. Жукович отходил от фундаментальных идей российской историографии, в частности от мнения М.О. Кояловича. М.О. Коялович утверждал, что для православия протестантизм не был особенно опасным. Это связано, по его мнению, с тем,

¹⁵⁷ П.Н. Жукович, *Сеймовая борьба...* с. 156.

¹⁵⁸ Там же, с. 344.

¹⁵⁹ Там же, с. 367.

¹⁶⁰ Там же, с. 364.

что православие, в отличие от католичества, сохранило у себя чистоту христианства, и их общим врагом было католичество¹⁶¹.

Большинство российских историков видело в польском общественном строе, его парламентаризме или полную анархию, или господство одного сословия – шляхты, но ни в коем случае парламентскую демократию, столь отличающуюся от устройства соседних с Польшей государств¹⁶². Мнение о вполне исправно действующем польском общественно-государственном устройстве XVI века, вполне возможным быть основой устройства Речи Посполитой и в XVII–XVIII веках почти единично в русской историографии. П.Н. Жукович считал, что польский государственный организм до бескорольев действовал более-менее исправно¹⁶³. П.Н. Жукович высказывал отличное от общепринятого в российской историографии мнение о том, что в Польше в период Ягеллонов польский престол был наследственным, а избрание королей было во многом фикцией¹⁶⁴. Наследственность польского престола династией Ягеллонов, а затем и их близкими родственников Вазов отмечается большинством польских историков (Ю. Геровский, Я. Мацшевский, В. Чаплиньский, Х. Виснер, А. Новак и др.).

Перелом, по мнению П.Н. Жуковича, был связан с наступлением эпохи бескорольевья, и связан с тем, что поляки не успели выработать прочной избирательной системы и решить данный сложнейший вопрос им пришлось, как верно отмечал П.Н. Жукович, в самых неблагоприятных обстоятельствах¹⁶⁵. Историк видел эти неблагоприятные обстоятельства в прекращении династии Ягеллонов и начавшимися бескорольевьями и с ними связывал крах «нормального» государственного развития Польши¹⁶⁶. Результатом этих обстоятельств в этой ситуации для Польши, считал он, было непомерное расширение прав и полномочий шляхты и резкое сужение объема королевской власти¹⁶⁷. П.Н. Жукович отмечал эгоизм шляхты, которая боялась потерять свое значение и привилегии, возложила дело обороны страны исключительно на короля, как будто дело защиты страны касалось исключительно его¹⁶⁸. Эти положения П.Н. Жуковича близки к мнению, высказанному в либеральной историографии, в частности Н.И. Кареева, известного в России либерального историка и полонофила.

В итоге отметим, что если П.Н. Жукович, как и Ф.М. Уманец, М.К. Любавский считал польский строй вполне «здоровым» до наступивших перемен во второй половине XVI века, то Н.И. Кареев считал его вполне жизнеспособным,

¹⁶¹ М.О. Коялович, *Лекции по истории Западной России...* с. 193.

¹⁶² Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии II пол...* с. 369.

¹⁶³ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий и польская церковь...* с. 63.

¹⁶⁴ Там же, с. 425.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же, с. 439.

¹⁶⁸ Там же, с. 428.

при условии проведения необходимых реформ. Однако значительное большинство российской историографии (М.О. Коялович, И.П. Филевич, П.Д. Брянцев, Д.И. Иловайский, С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, В.И. Герье и др.) считали возможным выходом для Польши только ее присоединение к России. Факт коренных внутренних изменений польской шляхетской демократии, приведших к внутренним изменениям сущности строя, при сохранении его внешних атрибутов был отмечен немногими. Наступивший перелом в польском общественном устройстве в XVII–XVIII веках, приведший к падению шляхетской демократии в стране и замене ее властью магнатории отмечал П.Н. Жукович, как и Ф.М. Уманец¹⁶⁹.

Заключение. П.Н. Жукович, один из основных теоретиков и практиков западноруссизма, своеобразного регионального варианта российского консервативного славянофильства с белорусской окраской. Общим для П.Н. Жуковича, как и для либералов и консерваторов, и в духе консервативных фундаментальных идей, было положение о католической реакции и экспансии на православные русские земли в составе Речи Посполитой в XVII–XVIII веках. По его мнению, Польша стала страной латинской цивилизации посредством принятия католичества, и романо-германское влияние проявилось в ней через введение в славянской стране римских законов, международного права, католичества, латинского языка в качестве языка богослужения, образования. В таком же плане, как борьбу российского православного элемента и идеи полонизма, П.Н. Жукович представлял отношения уже в XIX веке между православным населением Западной России и сохранившимся польским населением и дворянством.

Вместе с тем, П.Н. Жукович, историк сугубо консервативной ориентации, в своей исторической полонистике, исследуя с опорой на значительную источниковую базу, ряд ключевых проблем истории Польши, ВКЛ, Беларуси, земель Украины в XVI–XVIII веках, сумел высказать ряд положений отличных от общепринятого в российской историографии мнения. Этим ученый смог отказаться от некоторых идей фундаментальных положений российской историографии консервативной направленности. В исследовании конфессиональной истории Польши и ВКЛ (прежде всего Реформации и Брестской церковной унии) П.Н. Жукович сумел в ряде моментов отойти от ряда фундаментальных положений современной ему российской историографии в области ее исторической полонистики.

Тем самым мы видим оригинальность исследовательских подходов П.Н. Жуковича в области исторической полонистики. В связи с этим можно констатировать, что творческого наследие ученого требует дальнейшего изучения, в том числе и историографического.

¹⁶⁹ Т.Т. Кручковский, Уманец Ф.М. как историк Речи Посполитой [в:] *Веснік ГрДУ*, 2007. № 2. С. 47–53.

Podstawowe pojęcia rosyjskiej polonistyki historycznej a dziedzictwo twórcze P.N. Żukowicza

Streszczenie

Artykuł przedstawia podstawowe (fundamentalne) idee rosyjskiej polonistyki historycznej w twórczym dziedzictwie P.N. Żukowicza jako konserwatywnego historyka orientacji słowiańofilskiej. Żukowicz badał historię Polski, Wielkiego Księstwa Litewskiego, terenów Ukrainy w XVI–XVIII w., a szczególną uwagę poświęcił reformacji w Polsce, w tym problematyce współpracy prawosławnych i protestantów, a także szerzeniu się unii kościelnej.

Wspólna, dla P.N. Żukowicza, tak jak liberałów, i konserwatystów, w duchu konserwatywnych idei fundamentalnych, była teza o odwiecznej konfrontacji cywilizacyjnej między Polską a Rosją, o katolickiej reakcji i ekspansji na prawosławne ziemie ruskie w ramach Rzeczypospolitej w XVI–XVIII w.

W artykule podkreślone zostały dwa główne wartościujące podejścia rosyjskiej polonistyki historycznej: liberalne, zorientowane na Zachód i konserwatywne, z przewagą słowiańofilów. Jednak w przypadku spraw polskich zacierały się wyraźne granice między rosyjskimi liberałami a konserwatystami, między okcydentalistami a słowiańofilami.

Artykuł ujawnia główne fundamentalne idee rosyjskiej polonistyki historycznej. Autor zauważa, że miały one charakter antyzachodni i konserwatywno-narodowy: o odwiecznej konfrontacji między Rosją a Polską; o zachodnim szlaku cywilizacyjnym Polski, sprowadzającym kłopoty na świat słowiański; o postrzeganiu Polski jako wyrzutka świata słowiańskiego; o Rzeczypospolitej – jako unikalne w planie społeczno-politycznym państwo, ale niezdolnego do życia „potwora” (z punktu widzenia konserwatywno-nacjonalistycznej historiografii, a w liberalno-zachodniej – jako wariant „niewłaściwego” rozwoju). Zdecydowanie odrzucono pomysł możliwości federalnego wejścia ziem ruskich do Rzeczypospolitej lub ich samodzielnego istnienia (Białoruś i Ukraina).

Basic Ideas of Russian Historical Polish Studies and the Creative Heritage of Platon N. Zhukovich

Abstract

The article presents the fundamental ideas of Russian historical Polish studies in the creative heritage of Platon N. Zhukovich, a conservative historian of Slavophilic orientation. Zhukovich studied the history of Poland, the Grand Duchy of Lithuania, and the territory of Ukraine from the sixteenth to the eighteenth century, and he paid particular attention to the Reformation in Poland, including the issues of cooperation between Orthodox and Protestant followers, as well as the spread of the Church union.

He shared the belief of both liberals and conservatives that there was an age-old civilizational confrontation between Poland and Russia. He was convinced of the Catholic reaction and its expansion to the Orthodox Russian lands within the Commonwealth between the sixteenth and eighteenth centuries. At the same time, Zhukovich, as the historiographic analysis of his historical Polish studies reveals, considered several ideas that were not characteristic of Russian conservative historiography.

The article emphasises two main estimates of Russian historical Polish studies: liberal, West-oriented, and conservative, with a predominance of Slavophiles. However, in the case of Polish affairs, the precise boundaries between Russian liberals and conservatives and between Occidentalophiles and Slavophiles were blurred.

The article reveals the main fundamental ideas of Russian historical Polish studies and notes that they were anti-Western and conservative-national. Next, it brings about such issues as the age-old confrontation between Russia and Poland, the Western civilisation route of Poland, bringing troubles to the Slavic world, the perception of Poland as an outcast of the Slavic world, the Polish-Lithuanian Commonwealth as a state unique in its socio-political nature, but a 'monster' incapable of life (from the point of view of conservative-nationalist historiography, and in the liberal-Western perspective – as a variant of 'inappropriate' development). The idea of a possible federation of the Rus' lands with the Commonwealth or their independent existence (Belarus and Ukraine) was firmly rejected.

Библиография

- Жукович, П.Н. *Кардинал Гозий и польская церковь его времени*, СПб., 1882, 557 с.
- Жукович, П.Н. *Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией*, СПб., 1901, 617 с.
- Жукович, П.Н. *О русском землевладении в Северо-Западном крае со времен присоединения его к России*. СПб., 1895
- Жукович, П.Н. *Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II* [в:] ЖМНП. 1915. №1
- Коялович, М.О. *Литовская церковная уния в 2 т.* СПб.: Тип. Н. Тихменева, 1859
- Коялович, М.О. *Лекции по истории Западной России*. М.: Тип. Бахметева, 1864. 394 с.
- Кареев, Н.И. *Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше*. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко. 1886.
- Самарин, Ю.Ф. *Современный объем польского вопроса. Сочинения: в 5 т.* М.: Изд-во А.И. Мамонтова, 1877. Т. 1.
- Zakrzewski, W. *Powstanie i wzrost reformacji w Polsce (1520–1572)*. Lipsk, 1870.

Исследования

- Аржакова, Л.М. *Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010, 343 с.
- Аржакова, Л.М. *Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014, 543 с.
- Дьяков, В.А., Мыльников, А.С. *Об основных этапах развития славяноведения в дореволюционной России* [в:] *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь*. М.: Наука, 1979
- Кручковский, Т.Т. *Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в.* [в:] *Славяноведение*. 1993. № 5. С. 76–85
- Кручковский, Т.Т. *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в.* [в:] *Наш радавод*. Гродна, 1994. кн. 6. ч. II. С. 218–417
- Кручковский, Т.Т. *Польская проблема в русской исторической мысли XIX – начала XX века: основные подходы и общественно-политические и исторические обстоятельства* [в:] *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ун-та. Сер. 1. Гісторыя. Філасофія. Культуралогія. Псіхалогія. Правазнаўства*. 2000. № 3. С. 9–20
- Кручковский, Т.Т. *Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической полонистики XIX – начала XX веков: историографический обзор* [в:] ИАВБ. Минск. 2016. № 2 (25). С. 29–36

- Кручковский, Т.Т. *История Польши в концепциях российской историографии XIX – начала XX века*. Минск, 2017. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования. 338 с.
- Кутявин, В.В. *Первая мировая война и повороты российской исторической полонистики* [в:] *Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны)*, отв. ред. А.Б. Окунь. Самара, 2004. С. 143
- Лаптева, Л.П. *История славяноведения в России в XIX веке*. М.: Индрик, 2005. 848 с.
- Лаптева, Л.П. *Основные этапы развития славяноведения в России (XIX – начало XX века)* [в:] *Вопросы истории*. 2007. № 8. С. 156–162
- Якубский, В.А. *Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в.* [в:] *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени*. СПб., 2000, вып. 2. С. 3–15
- Kutiawin, W. *Polska i Polacy w historiografii rosyjskiej* [в:] *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*, pod red. A. de Lazari. Warszawa, 2006. С. 411–432
- Serejski, M. *Europa a rozbiory Polski*. Warszawa, 1970. 518 с.

Тадеуш Кручковский, доктор наук, профессор Гродненского университета. Научные интересы: история Польши в российской историографии XIX–XX вв. и в современной белорусской историографии, а также история и современность польского национального меньшинства в Беларуси (tkruczkowski@yahoo.com).

Tadeusz Kruczkowski, dr hab., profesor Uniwersytetu w Grodnie. Zainteresowania naukowe: dzieje Polski w historiografii rosyjskiej XIX–XX w. i we współczesnej historiografii białoruskiej, a także historia i współczesność polskiej mniejszości narodowej na Białorusi (tkruczkowski@yahoo.com).

Tadeusz Kruczkowski, PhD with habilitation, professor of the University of Grodno. His research interests include: the history of Poland in Russian historiography of the 19th–20th centuries and in contemporary Belarusian historiography, the history and contemporary life of the Polish national minority in Belarus (tkruczkowski@yahoo.com).